

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.16

EDN: OBHSFF

ВОЙНА В МОЗГАХ

Рецензия на книгу М. Гурного «Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923»¹

Ваганов Андрей Геннадьевич¹

---

¹Независимая газета, Москва, Россия

---

¹ Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923 / Пер. с польск. Н. С. Поляковой; науч. ред. Б. И. Колоницкий; предисл. М. Б. Могильнер. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с. ISBN 978-5-94380-394-8.

АННОТАЦИЯ

Рецензируется фундаментальное исследование Мацея Гурного – профессора Института истории Польской академии наук в Берлине. Книга профессора Гурного посвящена феномену, известному в историографии XX в. как «война духа» («Krieg der Geister»). Эта, казалось бы, невидимая и бескровная война относится лишь к сфере идей. Однако научные силы, которые включились в эту «войну духа», как показывает автор, непосредственно влияли и на истоки, и на ход, и на последствия войны «горячей» – Первой мировой. Сферы эти – география, расовая антропология, психология и психиатрия. В монографии показана роль интеллектуалов региона Центрально-Восточной Европы и Балкан в мобилизации идеологических (моральных) и материальных ресурсов воевавших стран. Переработав огромный массив информации (около 1000 ссылок на источники), М. Гурный подмечает ряд очень интересных нюансов в исследуемой теме. При этом один из недостатков книги, на взгляд рецензента, – абсолютно недостаточное использование русских источников, посвящённых феномену «войны духа». А таковые существуют в немалом количестве. Можно полемизировать со многими выводами, которые делает М. Гурный, но одно из несомненных достоинств монографии – возвращение в российское интеллектуальное пространство многих забытых, но, как ни парадоксально, актуальных именно сегодня исторических сюжетов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

война духа, Первая мировая война, Центрально-Восточная Европа, Балканы, география, геополитика, раса, нация, антропология, национальная психология

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ваганов А. Г. Война в мозгах. Рецензия на книгу М. Гурного «Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923» // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 229–243. DOI: 10.19181/smtп.2022.4.3.16. EDN: OBHSFF

Рецензировать подобного рода научные монографии не просто бессмысленно (около 900 ссылок на источники и использованную литературу, самый придирчивый фактчекер здесь пасует), но и в некотором роде даже опасно. Опасно для общественного сознания. Однако читать такие скрупулёзные исследования, анализировать и делать из них выводы на будущее абсолютно необходимо. Хотя бы потому, что, как пишет автор предисловия к русскому изданию этой книги Марина Могильнер, «независимо от того, рассматриваем ли мы Первую мировую войну и сопровождавшую её “войну духа” как окончание длинного XIX в. или как начало короткого XX, они символизируют кульминацию процессов глобализации и демократизации научной сферы и превращение науки, особенно новых наук о человеке, в язык политики и социального реформизма» (с. 12).

Аффилиация автора интригует уже сама по себе: Мацей Гурный – профессор Института истории Польской академии наук в Берлине, научный сотрудник Германского исторического общества в Варшаве. Понятно, что, публикуя свою монографию (в Польше книга вышла в 2014 г.), автор заведомо вступал на поле общественного невроза. Более того, что ещё более взрывоопасно, – на поле национального невроза. Хотя название книги как будто нарочито настраивает на чтение добротного историко-академического труда.

Возможно, понимая всю принципиальную полемичность темы, автор подстраховался, чётко определив и политико-географическую, и временную локализацию своего исследования: Центрально-Восточная Европа (Восточный фронт Первой мировой войны, она же – Великая война), с 1912 по 1923 гг. (именно в этот отрезок М. Гурный укладывает фактическое начало и окончание Великой войны).

Ядро исследования – три главы книги: глава 3 «Пространство (география)»; глава 4 «Тело (антропология)»; глава 5 «Разум (психология и психиатрия)». Это ядро помещено в рамку из четырёх вспомогательных глав: глава 1 «О науке с национальным характером» и глава 2 «Европейская война как война духа» – классический обзор проблемы; глава 6 «Оглядываясь в прошлое: кто развязал “войну духа”?» и «Заключение» – попытка краткого теоретического анализа собранного фактического материала.

Исходный посыл своей книги сам М. Гурный определяет так: «Признавшись в том, что в этой книге я не придерживаюсь ни строгих хронологических рамок, ни чётко обозначенной территории, я не могу не предупредить ещё об одной манипуляции, которая касается ключевой и уже неоднократно упомянутой в этом введении категории “войны духа”. В “классической” трактовке это понятие относится к европейским интеллектуалам, под влиянием войны оказавшимся вовлечёнными в такой дискурс, который, как правило, никак не соотносится с их более ранним или более поздним творчеством. При изучении французских и немецких работ, написанных в 80-х и 90-х гг. XX в. и посвящённых “Krieg der Geister”, трудно избавиться от ощущения, что их авторы рассматривают это явление как некую аномалию, временное

ожесточение выдающихся умов на почве национализма. В силу различных причин я не могу согласиться с этим, одна из них – это слишком строгое, на мой взгляд, разделение творчества на мирное и относящееся к военному времени. Я уверен, что не каждый участник “войны духа” должен был или же хотел отделить свои политические взгляды от своей научной или творческой деятельности. Наиболее интересными мне представляются случаи, когда идеи, характерные для “войны духа”, формулировались посредством инструментов какой-либо научной области. В трёх главах этой книги поочередно анализируются работы географов, антропологов, а также психиатров и психологов, в которых авторы смогли объединить научные изыскания со своими политическими убеждениями» (с. 21).

Углубляться в фактографический анализ глав, составляющих «ядро» книги М. Гурного, – значит заниматься тавтологией. Вот и автор признаётся: «В этом хаосе взаимных обвинений трудно воспроизвести реальный ход событий» (с. 97). Отметим всё же, что хаос – это только вопрос масштаба рассмотрения ситуации (в данном случае у Гурного речь идёт о польско-еврейско-украинских схватках на полях «войны духа»). В колонне муравьёв каждая отдельная особь перемещается вроде бы хаотически, но вся колонна движется вполне целенаправленно. Автору удаётся не забывать о своём целеполагании и сохранять адекватный для восприятия масштаб происходивших событий.

Это очень непросто. Скажем, «воюющие профессора» с истинно научным азартом создавали целую систему переплетающихся, перекрывающих друг друга границ в Европе:

«Австрия должна была простираться на юг до центрально-европейской природной зоны, т. е. “органичной” является граница вдоль линии, отделяющей альпийские ели от итальянских оливковых деревьев» (с. 166);

«Вацлав Шмидт писал: “Украинские земли в расовом, религиозном, политическом и экономическом отношении должно рассматривать как часть общероссийского империалистического субъекта”. Языковые различия между русскими и украинцами казались ему менее значительными, чем языковой барьер между немцем из Восточной Пруссии и баварцем (с. 139)»;

«...Способом легитимации границ Австро-Венгрии стало обращение к идее Центрально-Восточной Европы, причём австрийские авторы иногда ссылались на концепцию Наумана, а иногда обходились и без неё, рассматривая Австро-Венгрию как целостный регион, в центре которого находятся австрийские земли. По словам <Эрвина> Ганслика, костяк монархии образуют два коренных австрийских народа – австрийские немцы на западе и украинцы на востоке...» (с. 163);

«Франтишек Квилецкий использовал красочный термин “нравственный рубеж”, который якобы отделял Польшу, относящуюся к Западу, от азиатской России» (с. 110);

«Уже в самом начале века Йован Цвиич обозначил основную стратегию аргументации, которая впоследствии использовалась в сербских работах. <...> Ещё интереснее, что с точки зрения характерологии антропогеограф отнёс македонцев к “центральному типу”, а не к болгарскому “восточному”. При

этом, согласно мнению Цвиича, “психологическая” граница между сербами и болгарами проходила в районе Софии» (с. 176).

Мацею Гурному, судя по всему, больших интеллектуальных усилий стоило не «раствориться» в подобной чрезвычайно реактогенной смеси геополитических концепций, национальных идеологий, естественно-научных гипотез и расовых фантазмов: «В самом деле, было бы очень непросто ответить, насколько рассмотренные выше публикации повлияли на политическую действительность. И стоит ли вообще поднимать этот вопрос? <...> В то же время, нельзя осудить авторов этих публикаций за их патриотические побуждения. И то, и другое в этих текстах объединяется и переплетается, образуя единое целое, полное противоречий, если посмотреть на него со стороны, однако совершенно логичное для участников “войны духа”» (с. 145, 147).

Увы, иногда автор с водой выплёскивает ребёнка. Так, на мой взгляд, произошло с несколько ироничным отношением М. Гурного к концепции географического детерминизма: «В весьма объёмном труде исследователя Леона Доминиана, опубликованном в 1917 г., географическим условиям и вовсе отводилась главная роль в процессе формирования этносов, в то время как общее происхождение и язык имели второстепенное значение» (с. 149).

Между тем не только неосвязаемый «нравственный», но и вполне материальный географический рубеж существует. Об этом, кстати, писал ещё в 1880-е гг. русский географ, один из отцов геополитики как научной области знаний, Лев Ильич Мечников (1838–1888), старший брат нобелевского лауреата Ильи Ильича Мечникова. «Не придавая той доминирующей и исчерпывающей роли, которую ей приписывает Мужолль (французский географ. – А. В.), мы тем не менее должны признать значительное влияние географической широты и климата вообще на развитие цивилизации, – отмечал Л. И. Мечников. – Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на карту годичных изотермических линий. Основываясь на этой карте, мы можем сказать, что самые значительные на земле города и селения сгруппированы между двумя крайними изотермическими линиями в +160 и +40. Изотерма в +100 с достаточной точностью определяет центральную ось этого климатического и культурного пояса; на этой линии сгруппированы богатейшие и многолюднейшие города мира: Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия, Лондон, Вена, Одесса, Пекин.

К югу от изотермы в +160 в виде исключения рассеяно несколько городов с населением более чем в сто тысяч человек (Мексико, Новый Орлеан, Каир, Александрия, Тегеран, Калькутта, Бомбей, Мадрас, Кантон). Северная граница или изотерма +40 имеет более абсолютный характер: к северу от неё нет значительных городов кроме Виннипега (в Канаде) и Тобольска и Иркутска (в Сибири). Наконец на изотерме 00 расположены лишь очень небольшие поселения, как, например, Туруханск, Якутск, Верхоянск и другие места ссылки, куда русское царское правительство ссылает на медленную смерть своих политических противников» [1, с. 82–83].

Мы можем, конечно, сегодня снисходительно улыбнуться насчёт «нескольких городов с населением более чем в сто тысяч человек (Мексико, Новый Орлеан, Каир, Александрия, Тегеран, Калькутта, Бомбей, Мадрас,

Кантон)». Но в главном-то Лев Мечников, как выясняется сегодня², был абсолютно прав: «В жарком поясе, несмотря на роскошную флору и фауну, до сих пор также не возникло прочной цивилизации, которая занимала бы почётную страницу в летописях человечества. Здесь причина этого кроется в самом факте, так сказать, излишнего развития органической жизни во всех её формах, это изобилие жизни служит в ущерб развитию энергии и умственных способностей у населения; жители жаркого пояса, получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий с своей стороны всё необходимое для материального благоденствия, по этой самой причине, лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной коллективной деятельности» [1, с. 80].

К похожим выводам приходит и другой Лев – Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992). Русский географ, историк, этнолог Л. Н. Гумилёв предложил концепцию «месторазвития народов». Во многих своих работах он отмечал, что Западная Европа отделяется от евразийского пространства нулевой изотермой января (к востоку от этой границы средняя температура января отрицательна, к западу – положительная). И, что замечательно, совпадает эта изотерма, почти точно, с границей с Прибалтикой, через Западную Белоруссию и Украину до Чёрного моря. Всего-то один градус! А меняется весь социальный, технологический, культурный образ жизни огромных людских коопераций.

Может быть, как раз с переизбытком и чрезвычайной конфликтностью фактического материала связан существенный недостаток безусловно полезного исследовательского труда М. Гурного – отсутствие анализа (или очень поверхностный, по касательной, анализ) работы русской пропаганды (из упомянутых примерно 900 библиографических ссылок я насчитал только 14 относящихся к русским изданиям). Впрочем, понятно, что учёт ещё и русскоязычной литературы по вопросу «войны духа» потребовал бы кардинального увеличения объёма и без того фундаментального исследования М. Гурного. И всё же при обсуждении различий идеологической и визуальной пропаганды воюющих держав на Западном и Восточном фронтах (с. 103, 105) обойтись без упоминания русской военной периодики – это несколько странно. «Летопись войны 1914–1917» (вышло 132 номера, последний – 25 февраля 1917 г.), «Великая война в образах и картинах» (за неполные четыре года было выпущено 14 выпусков; последний, 14-й выпуск, вышел в свет в самый канун Октябрьского переворота 1917 г.) – даже только эти русские периодические издания представляют собой незаменимый исторический источник по теме рецензируемой монографии. Например, относительно «Великой войны в образах и картинах» в современном историко-библиографическом компе-диуме даётся такая справка: «Издание пользовалось огромным успехом, как среди простых читателей, так и среди членов царской семьи, известных

² Идеальной среднегодовой температурой для экономически успешного развития страны является 130 С, выяснили американские учёные. Более жаркие государства, число которых из-за климатических изменений постоянно растёт, обречены на сниженную производительность. Новое исследование представлено в журнале *Nature* (см.: Учёные определили идеальную температуру для экономического роста // Lenta.ru: [сайт]. 2015. 22 октября. URL: <http://lenta.ru/news/2015/10/22/eco13/> (дата обращения: 25.04.2022)).

видных русских деятелей. Сегодня – это неоценимый исторический и художественный документ, посвящённый Великой Отечественной войне народов России» [2, с. 377].

Можно полемизировать со многими положениями, высказанными в книге М. Гурного, приводить контрдоводы и опровергающие цитаты. Но одно из её несомненных достоинств – гальванизация в современном российском интеллектуальном контексте многих неизвестных или основательно забытых исторических сюжетов. Эти сюжеты многое могут объяснить и в современных политических процессах, происходящих на европейском континенте. Вот, например, противостояние – военное, идеологическое и даже имиджевое – болгар и сербов: «Одним из немногих идеологических фронтов, совпавшим с реальным, был сербо-болгарский военный конфликт. Болгария, которая самостоятельно вела боевые действия на стороне Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя. – А. В.), помимо этого проводила независимую пропаганду, направленную фактически против всех соседей. Её действия предвосхитили некоторые последующие события. <...> Особую роль в формировании стереотипа врага сыграл при этом контраст между достаточно высоким уровнем грамотности населения в Болгарии и относительно низким – в Сербии. Уже в 1913 г. болгарская пропаганда противопоставляла на этом основании свою высококультурность сербскому варварству. Кроме того, в болгарской характерологической мысли роль “constitutive other” чаще всего отводилась именно сербам. Александр Кипров приписывал им склонность к предательству и неправильное понимание собственных стратегических интересов, доказательством чему служила сербская политика в отношении Македонии. В отличие от сербов, болгары (якобы) отличались добродушием и всегда стремились к мирному сосуществованию со всеми соседями, в том числе и ценой уступок. Весьма позитивный образ болгар возник и в работах немецких, венгерских и австрийских авторов, которые признавали их превосходство среди всех балканских народов. По словам будапештского этнографа Адольфа Страуша, достоинства болгар были слишком очевидны, чтобы они могли оказаться в зависимости от “менее ценных” сербов и румын. Сербь уже в Средние века в результате ожесточённых распрей с готами, гуннами и турками стали бесчестны и склонны к насилию. Равно как и другие противники Германии, с точки зрения психики они находились на более низкой стадии развития» (с. 116, 117).

Книга насыщена подобными историческими «протуберанцами». Некоторые из них – пунктиром: болгары – «пруссаки Балкан»; сербы – «французы Балкан»; поляк – «северный француз»; сербы, хорваты, словенцы – один народ; чехи – между славянами и тевтонами с «примесью кельтской крови»... Это лишь некоторые ингредиенты той этнополитической и государственной «каши», которая варилась в Центрально-Восточной Европе в начале XX в.

И ещё один хороший урок даёт эта монография польского учёного: она показывает значение таких академических, зачастую сугубо кабинетных наук, как антропология, история, этнопсихология, теоретическая география. Формирование образа будущего страны должно происходить не на основе те-

левыступлений «медиатических интеллектуалов» (Пьер Бурдье), а на основе «скучных» монографий профессиональных учёных. Сегодняшний спор за юрисдикцию арктического шельфа опять же ведётся на основе геоморфологических аргументов. Создаются геофизические и математические модели, которые должны доказывать, что подводный хребет Ломоносова – это продолжение российского континентального шельфа. Актуальность географии зашкаливает!

Мы уже отмечали выше, как этнографы и географы создавали «виртуальные» расы и «проводили» государственные границы в тот период. Несколько парадоксально, что особенно усердствовали в этом, как показывает М. Гурный, учёные центрально-восточно-европейских стран. Впрочем, почва для такого изменения государственно-политического ландшафта была (и остаётся!) плодородной. Центрально-Восточная Европа – этническая мозаика, на территории которой нет крупных мононациональных участков.

Не менее впечатляет описанный в книге М. Гурного инструментарий «великой войны профессоров»: классификации, иерархии и даже фонетические конструкции. Так, в 1930 г. польский антрополог Ян Чекановский «проводил две аргументационные линии»: «С одной стороны, он подчёркивал, что послевоенные исследования продемонстрировали: “нордический элемент в Польше является не менее многочисленным, чем в Германии”. С другой стороны, он (а за ним и многие другие польские антропологи) признавал, что большинство жителей Польши представляют собой смешанный нордическо-лапаноидный тип, также называемый субнордическим. Можно было бы сказать, что таким образом он признавал правоту своих немецких коллег, которые рассматривали славян как монголизованных представителей нордической расы. Однако в этом случае важнее содержания был способ выражения мысли. Наиболее распространённый среди польского населения расовый тип получил в польских публикациях гордое название “сарматский”. Этот термин Чекановский использовал ещё до начала войны, утверждая, что в Центрально-Восточной Европе стандартное разделение на нордический, средиземноморский и альпийский антропологические типы себя не оправдывает. По его мнению, использование такой классификации способно лишь запутать исследователя, который не сможет установить корреляцию между соответствующими параметрами – черепным указателем и пигментацией глаз и волос. Вместо этой классификации он предлагал другую, которая включала бы в себя помимо сарматского типа ещё динарский и праславянский. Остальные категории он рассматривал как второстепенные, больше всего уделяя внимание представителям нордической расы, обитавшим на севере польских земель» (с. 227).

Соответственно, поляки – сарматский расовый тип, украинцы – динарский (своеобразный переходный к нордическому), белорусы – протославянский тип.

Надо отдать должное автору, здесь он не останавливается на простой феноменологии и фактографии и делает, пусть и краткий, аналитический вывод: «Не самая выгодная позиция поляков в популярном расовом дискурсе Европы заставила польских антропологов перехватить инициативу.

Воспользовавшись поддержкой правительственных структур молодого государства, польские учёные провели обширные антропологические исследования, которые стали иллюстрацией новой классификации расовых типов в регионе. По-новому интерпретируя существующие категории и вводя собственные, они в некотором смысле лишили прежней значимости догматы, считавшиеся непреложными. Показательно, что в их научных изысканиях столь важный во время войны термин “монголизация” фактически полностью исчез» (с. 230).

Уровень «монголизации», судя по всему, был мучительным стигматом для всей Центрально-Восточной Европы. Так, финские антропологи «решили отказаться от использования стандартной общеевропейской расовой классификации и ввели новую категорию, которая получила название “восточно-балтийской расы”, она была очень близка по характеристикам к нордической расе, но при этом гораздо лучше приспособлена к финским природным условиям» (с. 231).

Тем не менее от «монголизации» было почти невозможно дистанцироваться, учитывая всю естественно-историческую и политическую судьбу региона Центрально-Восточной Европы. Венгерские учёные предложили рассматривать «монголизацию» как культуурообразующий процесс. Но «трудно было рассчитывать на то, что иностранные (в особенности немецкие и австрийские) коллеги одобрительно отнесутся к этой переоценке расовой иерархии и начнут рассматривать “монголизацию” как культуурообразующий, а не дегенеративный процесс» (с. 235).

Любопытный нюанс отмечает в связи с этим М. Гурный. По его мнению, антропологи «восточного фронта» оставались учёными даже в жестоких антагонистических схватках за смыслы, за нарратив в этом центрально-восточно-европейском котле; на «западном фронте» оперировали не столько антропологическими аргументами, сколько эстетическими, то есть – вкусовыми, субъективными. В этом смысле очень характерно, что именно французские антропологи изобрели в 1915 г. термин «расовый запах»: «Луи Капитан отмечал, что немцы имеют очень специфический запах пота, сравнительно с другими задействованными в войне нациями. Берийон интерпретировал его как “расовый запах” и связывал с болезнью, поражающей жителей провинции Бранденбург, Восточной Пруссии, Померании и Мекленбурга. Вместе с политической экспансией Пруссии это заболевание стало распространяться и на других немецких территориях. Со временем этот мотив стал всё чаще появляться в публикациях французских учёных. Существовали версии, которые связывали “расовый запах” со свойственной немцам от рождения прожорливостью, не знающей никаких пределов. Прожорливость, в свою очередь, была следствием чрезмерной активности пищеварительной системы и аномального строения кишечника. Согласно этой теории, немцы были не способны воздерживаться от немедленной дефекации, что частично объясняло плачевное состояние общественных туалетов на территориях, которые отвоевали французы. Похожие истории передавали и сербы. Берийон придумал для этого явления специальное название *polychesie*. В своём выступлении, посвящённом психике немецкой расы, он утверждал, что это явление

было отмечено уже у древних германцев. Его прямым следствием были, к примеру, различия в составе мочи у немцев и французов. В конечном итоге, как утверждал Берийон, *polychesie*, ввиду своего постоянства и частоты проявления, является одной из наиболее характерных особенностей немецкой расы» (с. 239–240).

Кстати, этот аргумент – «расовый запах» – можно было бы обратить и против самих потомков галлов.

Ещё не в такой уж и туманной исторической ретроспективе, в 1764 г., некто Ла Морандьер так живописал ароматы резиденции французских королей – Версальского дворца: «Парки, сады и сам замок вызывают отвращение своей мерзостной вонью. Проходы, дворы, строения и коридоры наполнены мочой и фекалиями; возле крыла, где живут министры, колбасник каждое утро забивает и жарит свиней; а вся улица Сен-Клу залита гнилой водой и усеяна дохлыми кошками» [3, с. 293]³.

Французы, занявшиеся всерьёз сооружением канализации в Париже в 1880 г., после случившегося так называемого «великого смрада», избрали для реализации принцип полной изоляции сточных вод. В проекте, разработанном специальной комиссией, было предусмотрено создание полностью герметичных выгребных ям из стали и меди. Идея проста: предохранить население от любого контакта с отходами жизнедеятельности. В этом можно усмотреть и проявление национального французского менталитета, ведь недаром Париж считается законодателем моды в парфюмерии. Отсюда – логичное для француза решение: сделать фекальные воды бесцветными и (в идеале) ничем не пахнущими. Известно, например, что в период 1762–1853 гг. в Париже использовалось 57 способов для дезинфекции выгребных ям; большинство из них сводилось к рецептам ароматизации экскрементов с помощью бергамота, сока лимона и апельсина, лавандового спирта, лосьона из флёрдоранжа, гвоздики, различных масел и эссенций. Парижские золотари посмеивались: мол, для них изготавливают «конфетки с флёрдоранжем»...

Этнопсихологические мемы оказались очень живучими. В 1916 г. немецкий автор Вильгельм Ор так описывал французов: «С точки зрения нашего, совершенно противоположного естества, от французского духа веет экзотическим ароматом неестественности. Та привычность, с которой форма берёт верх над содержанием, а видимость над сутью, кажется нам поверхностной и обманчивой» (с. 84).

И всё же главы «ядра» книги М. Гурного – география, антропология, психиатрия и этнопсихология – оказались богатой, но лишь фактографической базой для главы 6: «Оглядываясь в прошлое: кто развязал “войну духа”?». Кажется, только ради этой заключительной, относительно короткой (с. 297–334) главы и была подготовлена монография. И двадцать страниц в

³ Все последующие годы парижская вонь только нарастала. Неудивительно, что в 1889 г. был принят специальный закон об очистке города. Удивительно другое: в 1758 г. Людовик XV получил в подарок... осетра, пойманного в Сене в черте города! А в 1782 г. такого же презента удостоился и другой французский монарх – Людовик XVI. Мало того, знаменитый французский повар начала XIX в. Антонен Карем утверждал, что видел почти трёхметрового осетра в черте города! А ведь известно, что осётр – рыба крайне чувствительная к чистоте воды. Может быть, это были осетры неправильной расы?

этой главе автор посвящает подробному описанию взглядов польского этнолога-любителя, родившегося на Украине, Францишека Генрика Духинского (1816–1893). Именно его публицистические произведения, особенно времён Франко-прусской войны 1870–1871 гг., перебирает М. Гурный: «Его “идеей фикс” был тезис о том, что русские не принадлежат славянскому антропологическому типу» (с. 315). Впрочем, сам Духинский не использовал термин «антропология», для него всё это – этнография. Этнографические эссе Духинского автор представляет в основном как академическую полемику поляка с французским антропологом Жан-Луи-Арманом Катрфажем (1810–1892). Мацей Гурный пишет: «...интересным примером более позднего (1922 г. – А. В.) обращения к работам Духинского была российская идеология евразийства. Пётр Струве подчёркивал, что “она воспроизводит, при этом на удивление объективным образом, учение славянина, ненавидевшего Россию. Это был поляк по фамилии Духинский, уже более пятидесяти лет назад утверждавший, что москали относятся к восточно-туранской расе, которая имела лишь поверхностный контакт с культурой западных славян и присвоила себе скандинавское название «Русь», а также славянский язык”» (с. 327).

Поляк Духинский и француз Катрфаж и стояли у истоков «Krieg der Geister», считает М. Гурный: «Таким образом, у европейской “войны духа”, начавшейся в 1912 г., были свои предшественницы. В ходе Франко-прусской войны уже возникали поразительно сходные явления. Немецкие и французские интеллектуалы высказывали критические суждения о национальном характере противника, взаимно лишали друг друга статуса цивилизованных народов, демонстративно исключали коллег-“врагов” из отечественных научных учреждений или сами отказывались от членства во “вражеских” научных организациях. Эти сходства обусловлены характером обеих войн, охвативших не только вооружённые силы и население территорий, на которых велись сражения, но и целые общества. Пресса, со временем всё более доступная для широких масс населения, способствовала распространению “войны духа”. Частью этого явления, как в период 1870–1871 гг., так и во время Великой войны, стала попытка заключить характерологический дискурс в рамки какой-либо из гуманитарных наук» (с. 332).

Таким образом, М. Гурный принципиально неисчерпаемую тему разумно ограничил не только пространственно-временными, но и предметными рамками: только гуманитарные науки и только три из них. Причём три молодые науки, едва-едва в последней трети XIX в. получившие статус научного знания. Пожалуй, на эту особенность «великой войны профессоров» ещё никто, действительно, не обращал внимания.

Ради естественно-научного послевкусия я всё же приведу пример из области химии. В октябре 1870 г. члены Русского химического общества А. М. Бутлеров, Н. Н. Зинин, Д. И. Менделеев и А. Н. Энгельгардт высказались в совместном письме с резкой критикой конфликта, возникшего между французскими и немецкими химиками после начала Франко-прусской войны. «Речь шла о недопустимых для научного сообщества инвективах по адресу французской науки, которые появились почти синхронно в ста-

твях двух немецких химиков: Я. Фольгарда “Основание химии Лавуазье” и А. Кольбе “О состоянии химии во Франции”, которые оказались напечатаны в *Journal fur Praktische Chemie*. Обе статьи стали ответом на неосторожный комплимент А. Вюрца (француза), написанный в 1868 году по поводу гениального А. Лавуазье: “Химия – французская наука”. В 1870 году этот комплимент приобрёл яркую политическую окраску, и обе статьи в немецком журнале самыми ненаучными способами доказывали обратное, что химия, напротив, – наука немецкая. <...> Как писали русские химики в указанном обращении, “даже в людях точной науки, принадлежащих к нациям, по справедливости считающимся наиболее цивилизованными, могут тускнеть хорошие человеческие чувства, когда страстное возбуждение овладевает их страной”» [4, с. 108–109].

Мацей Гурный в заключительных двух главах, как вывод, предлагает концепцию спонтанности возникновения самого этого явления – «войны духа»: «...большинство аргументов говорит в пользу рассмотрения этого явления как нерегулярного цикла вспышек национализма в науке, каждая из которых неразрывно связана с ужасом войны, поражений и насилия» (с. 334); «...поиск одной непрерывной линии интеллектуальной традиции в “войне духа” является ошибкой. Возникновение в разных местах и в разные периоды аналогичных явлений и даже мотивов объясняется гораздо проще: аналогичностью ситуации, в которой оказались интеллектуалы, вовлечённые в борьбу военного времени» (с. 335).

Очень спорный тезис. Что-то уж очень много таких «случайных» вспышек научного национализма. Такая повторяемость явления более адекватно объясняется, если её рассматривать через оптику естественной закономерности. Хотя, конечно, сам пафос М. Гурного – всемирная республика учёных! – нельзя не приветствовать. Но в лучшем случае это только асимптотическое приближение к утопическому идеалу.

Достаточно вспомнить полемику между британскими и континентальными учёными (в основном французами и немцами) после опубликования в 1687 г. ньютоновских *Principia* («Математические начала натуральной философии»). Знаменитый швейцарский математик, механик, филолог-классицист Иоганн Бернулли в сочинении «Новые мысли о системе Декарта» (1700) называл учение Ньютона системой, «о которой нельзя составить никакого ясного понятия»... «Мне кажется, – продолжал Бернулли, – что уже по одной этой причине должно изгнать её из Физики, хотя бы посредством её объяснялись все явления удовлетворительно. Особенно она не может быть допущена в Естественную Философию...» [5, с. 147].

Несмотря на все утверждения, что наука не имеет национальности, на практике она всегда оказывается глубоко и сугубо национальной. Интернационально научное знание, которое порождает эти национальные науки. Если только это именно научное знание, а не взвесь тавтологий и наукообразной, политически обусловленной публицистики *ad hoc*.

«Трудно оспорить, что современная наука не представляет собой некую планетарную целостность с едиными целями, ценностями, мировоззренческими установками или идеологическими предпочтениями, а также образцами поведения её представителей. Такое единство – давняя грёза, которая,

конечно, никогда не совпадала с реальностью, но всё же когда-то принималась всерьёз как возвышенный идеал. Он направлял если не действия учёных, то их самооценку: взяв роль флагманов всемирного прогресса, можно было считать себя вправе возвышать голос, когда человечество, казалось бы, остро нуждается в научных рекомендациях и предостережениях. <...> Отголоски грёз о Большой или Единой науке ещё звучат иногда, но это уже не меняет общей констатации: наука разобщена как система институций и сообществ, и барьеры между ними слишком прочны, чтобы надеяться на реальную возможность какого-то единого политического, тем более морального действия». И это пишут не разочарованные итогами Великой войны центрально-восточно-европейские гуманитарии в 1923 г., а два известных российских философа, профессора – В. Н. Порус и В. А. Бажанов в 2021 г. [6, с. 26].

Примечательно, что в русскоязычной литературе явление, которое исследует М. Гурный в своей монографии, принято называть не «войной духа» и даже не «войной профессоров», а «войной умов» [7, с. 103–124].

Безусловно, Мацей Гурный не может быть обвинён в «нагнетании национальной розни». Наоборот, он всегда подчёркнуто нейтрален, академичен. Но даже прогноз погоды может выполнять пропагандистские, политические, идеологические функции. Это не значит, конечно, что расовые проблемы должны сделаться табу для исследователей. Просто всегда надо учитывать, что полностью избавиться от субъективизма в этих работах невозможно. Повидимому, полностью экранироваться от субъективизма не удалось в том числе и автору этой рецензии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития) / Пер. с фр. Н. А. Критской. М. : Голос труда, 1924. 255 с.
2. Между нами... Библиохроника... Entre nous... Bibliochronik... 1550–1977. Вып. 2 / Сост. М. Богданович, А. Венгеров, С. Венгеров и др. М. : Русский раритет, 2015. 511 с.
3. Ле Герер А. Ароматы Версаля в XVII–XVIII вв.: эпистемологический подход // Ароматы и запахи в культуре. Кн. I / Сост. О. Б. Вайнштейн. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 608 с.
4. Дружинин П. А. Загадка «Таблицы Менделеева»: История публикации открытия Д. И. Менделеевым Периодического закона. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 158 с.
5. Перевошиков Д. Последователи и противники Ньютонова учения (Отрывок из истории тяготения) // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Сентябрь. С. 131–164.
6. Порус В. Н. Постнормальная наука: между Сциллой неопределённости и Харибдой политизации знания / В. Н. Порус, В. А. Бажанов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33.
7. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Э. И. Колчинский, С. И. Зенкевич, А. И. Ермолаев и др. СПб. : Нестор-История, 2018. 672 с.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022. Принята к печати 04.04.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ваганов Андрей Геннадьевич *andrewvag@gmail.com*

Учёный секретарь, Комиссия РАН по изучению научного наследия выдающихся учёных; ответственный редактор, приложение «НГ-наука» «Независимой газеты», Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 768249

Web of Science ResearcherID F-9864-2016

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.16

WAR IN MINDS

Review of the book by Maciej Gorny “*Welka wojna profesorow. Nauki o czlowieku (1912–1923)*” [Russ. ed.: M. Gurnyi «*Velikaya voina professorov. Gumanitarnye nauki. 1912–1923*»]⁴

Andrey G. Vaganov¹

---

¹Nezavisimaya Gazeta, Moscow, Russia

Abstract. The fundamental research of Maciej Gorny, professor at the Institute of History of the Polish Academy of Sciences in Berlin, is reviewed. Professor Gorny’s book is devoted to a phenomenon known in the historiography of the 20th century as “Krieg der Geister”. This seemingly invisible and bloodless war belongs only to the sphere of ideas. However, the scientific forces that were involved in this “Krieg der Geister”, as the author shows, directly influenced the origins, the course, and the consequences of the hot war – the World War I. These spheres are geography, racial anthropology, psychology and psychiatry. The monograph shows the role of the intellectuals of the region of Central-Eastern Europe and the Balkans in mobilizing the ideological (moral) and material resources of the warring countries. Having processed a huge array of information (about 1000 references to sources), M. Gorny notices a number of very interesting nuances in the topic under study. At the same time, one of the shortcomings of the book, in the opinion of the reviewer, is the absolutely insufficient use of Russian sources devoted to the phenomenon of “Krieg der Geister”. And those exist in not small numbers. One can argue with many of the conclusions that M. Gorny makes, but one of the undoubted advantages of the monograph is the return to the Russian intellectual space of many forgotten, but, paradoxically, historical plots that are relevant today.

---

⁴ Gorny, M. (2021). *Welka wojna profesorow. Nauki o czlowieku (1912–1923)* [Russ. ed.: *Velikaya voina professorov. Gumanitarnye nauki. 1912–1923*]. St-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 414 p. (In Russ.).

Keywords: Krieg der Geister, World War I, Central-Eastern Europe, Balkans, geography, geopolitics, race, nation, anthropology, national psychology

For citation: Vaganov, A. G. (2022). War in Minds. Review of the book by Maciej Gorny “Welka wojna profesorow. Nauki o czlowieku (1912–1923)” [Russ. ed.: M. Gurnyi «Velikaya voina professorov. Gumanitarnye nauki. 1912–1923»]. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 3. P. 229–243. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.16

REFERENCES

1. Mechnikov, L. I. (1924). *La civilisation et les grands fleuves historiques* [Russ. ed.: Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki (Geograficheskaya teoriya progressa i sotsial'nogo razvitiya)]. Transl. from Fr. N. A. Kritskaja. Moscow: Golos truda publ. 255 p. (In Russ.).
2. *Entre nous... Bibliochronik... 1550–1977*. (2015). Issue 2. Comp. M. Bogdanovich, A. Vengerov, S. Vengerov [et al.]. Moscow: Russkii raritet publ., 2015. 511 p. (In Russ.).
3. Le Gerer, A. (2003). The aromas of Versailles in the XVII-XVIII centuries: an epistemological approach. In: *Aromaty i zapakhi v kul'ture. Kn. I.* [Aromas and odors in culture. Book I]. Comp.: O. I. Vainstein. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. 608 p. (In Russ.).
4. Druzhinin, P. A. (2019). *Zagadka «Tablitsy Mendeleeva»: Istoriya publikatsii otкрыtiya D. I. Mendeleevym Periodicheskogo zakona* [The riddle of the “Periodic Table”: The history of the publication of D. I. Mendeleev’s discovery of the Periodic Law]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. 158 p. (In Russ.).
5. Perevoshchikov, D. (1843). Followers and opponents of Newtonian doctrine (Excerpt from the history of gravitation). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. September. 131–164 p. (In Russ.).
6. Porus, V. N. and Bazhanov, V. A. (2021). Post-normal Science Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge. Philosophy. *Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 5, no. 4. P. 15–33. (In Russ.).
7. *Mobilizatsiya i reorganizatsiya rossiiskoi nauki i obrazovaniya v gody Pervoi mirovoi voiny* [Mobilization and reorganization of Russian science and education during the First World War]. (2018). E. I. Kolchinskii, S. I. Zenkevich, A. I. Ermolaev [et al.]. Nestor-Istoria publ. 672 p. (In Russ.).

The article was submitted on 01.02.2022. Accepted for publication 04.04.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vaganov Andrey andrewvag@gmail.com

Scientific Secretary, RAS Commission for the Study of the Scientific Heritage of Outstanding Scientists; Executive Editor, *Nezavisimaya Gazeta NG-Nauka* supplement, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 768249

Web of Science ResearcherID F-9864-2016